

Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова
Институт стран Азии и Африки

На правах рукописи

Румак Наталья Григорьевна

**Теоретические и практические проблемы межъязыковых соответствий
(на примере перевода оноματοпоэтической лексики в японском языке)**

Специальность 10.02.22 -
Языки народов зарубежных стран Европы, Азии, Африки,
аборигенов Америки и Австралии
(индо-иранские языки; синитические языки; алтайские языки; афразийские
и нигеро-конголезские языки)

Автореферат
диссертации на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Москва - 2007

Работа выполнена на кафедре японской филологии Института стран Азии и Африки при Московском государственном университете им. М.В.Ломоносова

Научный руководитель:

кандидат филологических наук, доцент **Стругова Елена Викторовна**

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук, профессор **Алпатов Владимир Михайлович**

кандидат филологических наук, доцент **Ирина Исаевна Басс**

Ведущая организация:

МГИМО (У) МИД России

Защита диссертации состоится _____ 2007 года в ____ час. на заседании диссертационного совета Д 501.001.34 по филологическим наукам (языкознание) Института стран Азии и Африки при МГУ им. М.В.Ломоносова по адресу: 113911, г. Москва, ул. Моховая, д. 11

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ИСАА при МГУ.

Автореферат разослан «____» _____ 2007 г.

Ученый секретарь диссертационного совета

Урб М.Р.

Общая характеристика работы

Данная работа является практическим исследованием, но опирается на теоретические положения, и её выводы имеют значение для общей теории перевода.

Актуальность исследования.

Исследование осуществлялось в общем контексте исследований российских и зарубежных авторов, связанных с теорией и практикой перевода, и таким образом, призвано осветить наиболее актуальные проблемы, в частности, проблему описания значения единиц, проблему выделения единиц перевода и проблему адекватности перевода.

Объект и предмет исследования.

Объектом исследования являются оноματοпоэтические единицы японского языка и их переводы на русский язык. Предмет исследования составляют семантика единиц этого лексического слоя, семантические связи между ними, а также соответствия этим единицам и связям в русском языке.

По признаку наличия или отсутствия эквивалентов в текстах на ПЯ (языке перевода) для слов текстов на ИЯ (исходном языке) рассматриваются случаи, обычно выделяемые в практике перевода: это - полное соответствие, неполное соответствие, а также отсутствие соответствий японским оноματοпоэтическим словам в русском языке. В работе классифицируются и оцениваются различные способы передачи японской оноματοпеи в языке перевода - русском.

Цели и задачи исследования.

Целью настоящего исследования является описание и систематизация практических способов перевода на русский язык японской оноματοпеи, поиск универсальных способов перевода оноματοпоэтической лексики. На примере перевода японской оноματοпеи предпринимается попытка возможного уточнения понятия "адекватный перевод" - одного из центральных понятий современной науки о переводе, а также понятия межъязыковой эквивалентности.

В задачу исследования входит анализ переводов японских художественных текстов с точки зрения способов передачи на русский язык японских оноματοпоэтических слов - единиц, которые обладают специфической формой и содержанием. Содержание и объём описываемого материала задан рамками словаря, и в работе уточняется значение входящих в этот объём лексических единиц. Одним из практических результатов исследования является "Словарь эквивалентов оноματοпоэтической лексики японского языка".

Методы исследования.

Методы исследования основаны на компонентном анализе, предполагающем возможность разложения значения единицы на минимальные семантические составляющие и установления между ними отношений, основанных на признаках «доминантность - дополнительность». Анализируется также связь формальной структуры единиц с их значением. Сравнительный метод позволяет оценить различные способы и приёмы перевода.

Научная новизна.

Данная работа - первая, посвящённая собственно проблеме перевода японской ономотопеи на русский язык и поиска переводных эквивалентов для единиц этого слоя лексики. До сих пор эта проблема подробно не анализировалась.

В диссертации впервые: а) рассматривается структура значения ономотопозитических единиц с точки зрения актуализации различных значений в разных контекстах; б) применяется метод компонентного анализа для определения актуализированных значений и выбора переводного эквивалента.

Практическая значимость исследования.

Настоящее исследование позволит внести уточнения в существующие положения переводоведения по проблеме описания единиц, проблеме выделения единиц перевода, проблеме адекватности перевода. Полученные выводы могут быть использованы как в теории, так и в практике перевода, а также в лексикографии.

Представленная в выводах типология соответствий ономотопозитической лексике в языке перевода может служить основанием для заключения об универсальности некоторых соответствий.

Апробация работы.

Отдельные положения работы были апробированы на научных конференциях МГУ («Ломоносовские чтения», 2001-2005 г., «Проблема текста в гуманитарных исследованиях», 2006 г.), а также межвузовских научных конференциях «Языки мира. Мир языка» и «Актуальные проблемы преподавания практического курса перевода в вузе» (2005 г.). По теме диссертации были опубликованы статьи и тезисы докладов.

Структура работы.

Диссертация состоит из введения, трёх глав, заключения, списка источников, списка литературы и приложения (примеров из «Словаря эквивалентов ономотопозитической лексики японского языка»). Объём диссертации 165 страниц машинописного текста. Библиография включает 116 наименований работ по

исследуемой проблематике на русском, английском, французском и японском языках и 38 наименований источников на японском и русском языках.

Основное содержание работы

Во **введении** даётся краткий обзор работы, указаны цели, задачи, методы исследования, а также описание использованной литературы и источников.

Первая глава «Общие вопросы» посвящена обзору и анализу существенных для исследования семантических и переводоведческих концепций. Даётся рабочее определение оноματοпоэтической единицы, описываются её функции. Обсуждается также понятие единицы перевода и понятие функциональной эквивалентности.

Практика перевода и опыт пользователя словарями позволяет предположить, что значение оноματοпоэтического слова связано с явлением звукового символизма, но определяется, прежде всего, его употреблением.

В работе используется следующее рабочее определение. Оноματοпоэтические единицы - это слова японского языка, непосредственно передающие звуки живой и неживой природы, физические и эмоциональные ощущения, описывающие действия и состояния предметов. Эти единицы характеризуются наличием ряда формальных (в первую очередь, структурных) признаков, записываются обычно слоговыми азбуками (хираганой или катаканой) и употребляются в речи для лаконичного и эмоционального описания, оживления повествования и создания «эффекта присутствия».

Для обозначения всего слоя оноματοпоэтической лексики японского языка как синонимы используются термины «оноματοпея», «оноματοпоэтические слова» (ОС) и «оноματοпоэтические единицы» (ОЕ).

Основная задача исследования - найти адекватные способы передачи на русском языке тех значений, которые имеют оноματοпоэтические единицы в японском языке. По утверждению Ю. Найды и Я. Ваарда, «чтобы достичь эквивалентности, в контексте или по форме, необходимо сфокусироваться на задействованных функциях». На основе постулатов теории функциональной эквивалентности (понимание перевода как коммуникативного процесса и воспроизведение реакции Рецептора на получаемую информацию) в работе подробно рассматриваются функции, выполняемые ОС в речи.

Как отмечают многие исследователи, основная функция оноματοпеи – экспрессивная. Оноματοпоэтические слова не только изображают звуки, свойственные предметам, либо состояние предметов, но и выражают чувства

носителя языка, передают его ощущения и эмоции. При этом важную роль, благодаря явлению синестезии, играет передача чувств, эмоций и ощущений непосредственным образом. Это отличает оноματοпоэтические единицы от описательного образа, создаваемого другими единицами лексики.

Оноματοпоэтические единицы, по утверждению, в частности, Л. Шойрупа, играют важную роль в создании ритма и структуризации текста, что особенно важно иметь в виду при переводе поэтических произведений. Нужно принимать во внимание и характерную для сочетаний с ОС лаконичность (то есть способность «обеспечить средства для краткого выражения», как замечает Э. Чен), и ёмкость значений этих единиц.

Не менее важная функция японской ономатопоэзии заключается в том, что они уточняют или сужают достаточно общее значение некоторых глаголов. В русском языке существует большое количество глаголов, у которых конкретное значение выражено отдельной лексемой. В японском же языке конкретный оттенок значения глаголу часто придаёт то или иное оноματοпоэтическое слово, сочетающееся с данным глаголом.

Экспрессивный компонент значения японских ОЕ может быть передан средствами русского языка путём обращения к разным регистрам и стилям в ПЯ (просторечные выражения, стилистические синонимы, идиоматические выражения и т.п.).

Для передачи компонентов значения ОС можно использовать конкретные единицы ПЯ с узким значением, соответствующим лексическому значению сочетания ОС и глагола в целом. Для этого также могут использоваться единицы с уточняющими элементами. Если ОС дополняет значение определяемого слова или дублирует его, при переводе оно может опускаться.

Для передачи ритмических и структурных особенностей японских ОС можно предложить заимствование или употребление существующих в языке перевода единиц со сходными структурными особенностями.

Эти предположения подтверждаются наблюдениями разных авторов над переводами японских ОЕ на такие языки, как английский, французский, шведский, китайский, тайский, индонезийский, что позволяет допустить наличие универсальных способов и приёмов перевода этого слоя лексики.

При решении проблемы выбора единиц перевода существенной представляется точка зрения Е. Д. Поливанова, который, считая необязательным воспроизводить в переводе японские оноματοпоэтические слова, тем не менее, указывает на

«комплексы (сочетания ОЕ с «другими словами» - Н.Р.), ... значение которых уже настолько обточилось и сузилось, что не представляет отличий от значений обыкновенных слов». Эти комплексы, очевидно, являются устойчивыми сочетаниями, о которых пишет С. А. Быкова, классифицируя сочетания оноματοпоэтических наречий с глаголами как фразеологические комплексы, где «оба (выделено нами – Н.Р.) компонента обладают значением, играющим роль в образовании значения цельного устойчивого словосочетания».

Принимая во внимание перечисленные выше способы и приёмы перевода японских ОЕ, можно предположить, что основной единицей перевода на русский язык будет сочетание оноματοпоэтического слова с определяемой единицей.

В некоторых случаях возможен перевод на уровне фонем (заимствование) и на уровне слов (например, для выражения дополнительных компонентов значения ОС). В работе рассматривается возможность перевода ОС на уровне предложения (компенсация либо перераспределение компонентов значения), а также теоретическая возможность перевода на уровне текста.

Структура ОЕ может быть лишь формально отражена в русском языке, поэтому перевод ОС на уровне морфем вряд ли возможен. Для обозначения единиц ПЯ, сходных с японскими ОЕ по морфологическому строению и уровню лексикализации, в работе предлагается термин «формальные эквиваленты».

Во второй главе «Особенности оноματοпоэтических единиц японского языка» описываются структурные и семантические особенности японских ОС, релевантные с точки зрения перевода, приводятся различные классификации этого класса лексики.

Оноματοпоэтические единицы японского языка имеют ограниченное количество структурных моделей. Упоминаемые в литературе модели можно свести к следующим основным группам: односложные ядра CV(V), двусложные ядра CVCV (простые), повторы, а также различные сочетания ядер с формантами – геминатой, назальным N, суффиксом *-ri* CV(Q/N)CVri, CV(CV)Q/N. Кроме этого, существует некоторое количество комбинированных форм и единичных нерегулярных форм.

Для данного исследования значимы не структурные образования сами по себе, а их оппозиции (так как именно в оппозиции проявляется дифференциация значений). Для уточнения значений оноματοпоэтических единиц необходимо владеть информацией о зависимости их значения от структуры.

Например, С. Чиронов отмечает, что односложное ядро «указывает на явление в принципе, без уточнения его характеристик». Универсальные значения редупликатов противопоставлены значениям односложных ядер на основе признаков повторяемости действия или события, множественности событий, интенсивности признака, разбросанности или протяжённости в пространстве, продолжительности во времени.

Кроме этого, редупликативные структурные модели японских ОС указывают на динамически развивающееся действие, придают действию оттенок обычно совершающегося, постоянного или многократного. С. Чиронов особо выделяет у ОС функцию ритмической организации, а также описывает значения, которые передаются в ОС употреблением различных формантов.

Описанные оппозиции позволяют предсказать, по крайней мере, некоторые элементы значения каждого из членов оппозиции в зависимости от формы, в которой они употреблены в каждом конкретном случае.

Необходимо упомянуть и о значениях некоторых фонетических категорий, реализуемых также в противопоставлениях. Для исследования релевантны дополнительные оттенки значений ономатопоэтических единиц, возникающие при реализации противопоставлений различных категорий, таких, например, как звонкие и глухие согласные, закрытые и открытые звуки и т.п.

Приводимые, например, И. Тамори, Х. Киндайти, Х. Ооцубо данные говорят о том, что ономатопоэтические единицы со звонкими согласными описывают, как правило, а) более громкие звуки, б) большие по размеру предметы, в) большее количество, г) большую активность, д) большую степень выраженности признака; иногда они также приобретают негативный оттенок значения по сравнению с глухими согласными, воспринимаются как более тёмные, мутные, грубые, тяжёлые.

Противопоставление смычных и фрикативных согласных также может быть значимо для дифференциации оттенков значения. Если первые выражают активность, высоту, широту, разнообразие, то вторые – погружение, исчезновение, мягкость, беспорядок, разрушение.

Х. Киндайти считает, что палатализованные согласные придают слову просторечный оттенок в сопоставлении с их твердыми аллофонами, то же самое можно сказать о противопоставлении звуков [p] и [h] (в отличие от противопоставления звонкого-глухого [b/p]). Х. Ооцубо указывает также, что палатализация может ассоциироваться с мягкостью, податливостью, тяжестью,

наличием изгибов в отличие от ощущения прямоты и лёгкости при восприятии на слух твердых согласных.

Гласные противопоставляются, в первую очередь, по закрытости-открытости. Поэтому, по мнению И. Тамори, ОС, содержащие звук [a], выражают большую широту, открытость (а иногда и нескромность, несдержанность), ясные звуки, активность, энергичность, а ОС, содержащие звук [o], - закрытость (скромность, сдержанность), неотчетливые и неясные звуки, отсутствие активности.

Таким образом, на основе имеющейся информации о дифференцирующих признаках можно выбирать релевантные для перевода компоненты значения, содержащиеся в оноματοпоэтической единице.

С оноματοпоэтическими словами употребляются служебные элементы *то* и *ни*. В работе описывается их употребление в тех аспектах, которые представляются релевантными для перевода этих единиц.

Одна из функций служебного элемента *то* – маркировка цитирования. Окказиональные образования и звукоподражания на письме часто передаются азбукой катакана и/или в кавычках и оформленные элементом *то* с глаголами говорения (*кут-то наку* – «издать звук, курлыкнуть» (о птице), *гутёгутё-то* (ю:) *ото-о татэру* – «хлюпать», *буцубуцу-то цубуяку* «бормотать»). Такое «прямое цитирование» подчёркивает связь ОС с природными звуками, поэтому подобные ОС в переводе должны, по возможности, передаваться звукоподражаниями.

Ещё одной функцией служебного элемента *то* можно назвать выделение, усиление оноματοпоэтической единицы, её обособление от глагола. Для некоторых ОС употребление *то* является факультативным, например, для звукоподражаний-редупликатов, для двусложных звукоподражаний, оканчивающихся на N, *-ri*, а также для звукоизобразительных наречий образа действия.

Такое употребление *то* позволяет говорить об эмфатическом подчёркивании (например, *юккури* – *юккури-то*). В этом случае при переводе можно предложить использование эмфазы – употребление наречий степени («очень», «сильно» и т.п.), изменение порядка слов и т.п.

При рассмотрении классификаций ОС по частям речи обращает на себя внимание отнесение этих единиц большинством исследователей к наречиям (то есть, к единицам, определяющим глаголы) и деление их на наречия образа действия, результата, степени, частотности. Выделяются также образованные от ОС глаголы, прилагательные и существительные, которым часто имманентно присущи

определённые коннотации (например, глаголы на *-цуку* часто имеют семантический компонент «начало действия» и негативные коннотации).

Х. Какэхи выделяет 4 категории ОС по степени лексикализации, которая определяется употреблением лексической единицы в речи, включением её в специальные словари и наличием или отсутствием изменяемых форм. Кроме того, он описывает три вида сочетаний оноματοпоэтических единиц с определяемыми словами, опираясь на предложенную Л. Ельмслевом классификацию управления.

В классификации по степени лексикализации в данном исследовании прежде всего выделяются первая и четвертая категории: не фиксируемые в словарях окказиональные образования и произошедшие от ОС, но практически потерявшие с ними связь «обычные слова».

Окказионализмы, воспринимаемые носителями языка как единицы, не имеющие устоявшегося употребления, не теряют при этом своей «узнаваемости». Оставаясь, таким образом, вписанными в общую звуко-символическую систему языка, эти единицы, тем не менее, маркируются как «необычные», вызывая определённую реакцию Рецептора текста на ИЯ и формируя стиль произведения. Следовательно, в переводе нужно передать эту «необычность», окказиональность. В качестве переводных эквивалентов для единиц этой категории можно предложить заимствования или окказионализмы.

Для единиц четвёртой группы, не воспринимаемых носителями языка в качестве оноματοпоэтических и, вероятно, содержащих эмоциональный компонент значения в минимальной степени, должны существовать варианты или контекстуальные (по терминологии Я. Рецкера) соответствия в языке перевода. Что же касается единиц второй и третьей категорий лексикализации, то их значения описываются в диссертации при помощи трёх способов управления, предложенных Х. Какэхи.

В «детерминированных» сочетаниях глагол задает определённую область значения (например, *аруку* - «передвижение пешком», *варау* - «смех»), которую употребление оноματοпоэтической единицы сужает, добавляя конкретные семы (например, *этиэти (аруку)* - «(передвигаться) неловко, спотыкаясь», то есть «ковылять», *никонико (варау)* - «ласково, приветливо (смеяться)», то есть «улыбаться»).

Отсутствие дополнительного семантического компонента привело бы к изменению значения, поэтому единицы этой группы, очевидно, должны не опускаться при переводе, а передаваться вариантными и контекстуальными

соответствиями. При существовании в ПЯ единиц с конкретным, узким значением, именно они могут служить эквивалентами для подобных сочетаний. В то же время, дополнительные компоненты значения могут быть выражены в переводе отдельными лексемами.

В комплементарных сочетаниях оноματοпоэтическая единица создаёт конкретный образ и ассоциируется с конкретной лексемой, практически совпадая с ней в основном значении. ОС этой группы (например, *никкори* (*хохоэму*) – «приветливо улыбаться», *гуругуру* (*мавару*) – «совершать вращательное движение, кружить») обычно дублируют значение главного слова (глагола), усиливая его и добавляя образность. Очевидно, в глаголе можно выделить тот же семантический компонент, что и в ОС.

В этом случае предлагается два основных способа перевода сочетания на русский язык: использование наречий степени («очень», «сильно» и т.п.) либо отказ от использования эквивалента для оноματοпоэтической единицы вообще, если в глаголе и ОС можно выделить несколько совпадающих семантических компонентов, и в ПЯ не требуется или выглядит неестественно дополнительное усиление основного компонента значения ОС.

Автономные же сочетания, строго говоря, не являются устойчивыми. Таковы, например, словосочетания с единицами *юккури* – «медленно, неспешно», *бонъяри* – «рассеянно, задумчиво» и т.п. Эти единицы могут сочетаться с разными глаголами, уточняя степень интенсивности действия или состояния. Для таких ОС в языке перевода обычно существуют вариантные и контекстуальные эквиваленты.

Основная сложность заключается в том, чтобы найти эквивалент, адекватно передающий не только лексический, но и прагматический (образный, эмоциональный) компонент значения ОЕ. Если семантический компонент значения можно выделить на основе словарной статьи-толкования и примеров словоупотребления, то прагматический компонент часто выявляется только на основе общего анализа текста: его стилистики, словарного состава, информации о говорящем и его отношении к предмету разговора, собеседнику и т.п.

Одна из основных функций японских ОЕ – эмоциональная, т.е. связана не столько с описанием некоторого образа, сколько с прямой передачей этого образа и сопровождающих его ощущений говорящего (пишущего) рецептору (слушателю или читателю). По наблюдениям автора, семантика оноματοпоэтических единиц любого уровня *a priori* может быть передана средствами русского языка. Проблема заключается лишь в том, как выбрать эквивалент, соответствующий цели

коммуникации. Если принимать во внимание эмоциональную функцию языка, необходимо учитывать не только семантику, но и образность выражения, а также стиль повествования. При этом могут возникнуть следующие сложности.

Окказиональные образования могут передаваться при переводе заимствованиями или такими же окказионализмами в языке перевода. Однако попытка образовать новую единицу (тем более, если это не звукоподражание, а звуковой образ) может не дать требуемого прагматического эффекта, а заимствование может не соответствовать стилю текста на языке перевода.

При переводе единиц второй и третьей групп лексикализации (по классификации Х. Какэхи) – так называемых «чистых ономатопоэтиков» - основная проблема также может быть связана со сложностью передачи образности и эмоциональности в рамках стиля текста на ПЯ.

ОС обладают сложной структурой: в ядре, по мнению, в частности, С. Чиронова, сосредоточено основное лексическое значение единицы, к которой форманты добавляют дополнительные семы. Кроме того, в значении одной единицы отмечается сочетание образов различного происхождения: звуковых, моторных, тактильных и т.п. У некоторых единиц эти образы актуализируются в разных сочетаниях, то есть зависят от синтагматических связей, у других могут присутствовать в одних и тех же сочетаниях, в том числе, в виде ассоциаций.

Такая структура, очевидно, требует детального анализа структуры значения в процессе поиска эквивалентов. Необходимо выделить как можно больше элементов значения (сем) ОС для того, чтобы определить, какие из них актуализированы в данном контексте. В этом случае используется метод компонентного анализа, как, например, предлагает Т. Коршикова.

В основе применяемого в работе метода компонентного анализа лежит тезис А. Вежбицкой о том, что «элементы, которые могут использоваться для определения значения слов... следует принять в качестве *“indefinibilia”*, то есть как семантически элементарные единицы, в терминах которых могут быть последовательно представлены все сложные (неэлементарные) значения».

Представляется, что для японских ономатопоэтических единиц могут быть выделены, например, такие группы семантически элементарных единиц, как «подражание звучанию», «зрительное восприятие», «описание движения», «ощущение при касании», «вкусовое ощущение», «внутренняя структура предмета» и т.п.

При более подробном анализе звукоподражаний возможно выделение, например, таких сем как «голос человека» - «голос животного» - «звук, издаваемым неживым предметом». Релевантными для анализа могут быть элементарные значения «громкость звука», «качество звука», «продолжительность звука» и т.п. Для «ощущений при касании» предсказуемо наличие сем «приятности» и «неприятности», «гладкости» и «шероховатости» и т.п. Для описания движений – сем соотнесённости с объектом (движение человека, животного или неживого предмета), сем «скорости», «направленности», «качества движения».

В третьей главе «Подбор эквивалентов для оноματοпоэтической лексики и оценка адекватности перевода» рассматриваются проблемы поиска переводных эквивалентов для оноματοпоэтических слов: проводится анализ конкретных способов и приёмов перевода с точки зрения теории переводоведения, а также дается оценка адекватности существующих переводов.

В качестве текста, в котором оноματοпоэтические единицы широко используются в качестве звуко- и образоподражаний, выбраны народные сказки – фольклорные произведения. Использование ОС придаёт произведению особый колорит и формирует в нём некий ритмический рисунок.

Для формирования определённого ритма ОС могут употребляться и в поэзии. Для усиления эмоциональности в поэзии хайку часто, как утверждает, например, Н. Ямагути, используются оноματοпоэтические слова – лексика, которую характеризует лаконичность и ёмкость описания, непосредственность в передаче образа. В работе анализируются переводы японских трёхстиший, предлагаются эквиваленты для оноματοпоэтических единиц.

Тексты Х. Мураками отражают современное состояние разговорного языка, что позволяет говорить об употреблении оноματοпоэтических единиц как явлении, типичном для данного времени и общества. Кроме того, большое количество публикуемых переводов этого автора позволяет сравнить несколько переводов одного и того же текста, в частности, рассказа «*Асика Мацури*». Для сравнения вариантов также использованы разные переводы рассказа С. Фудзисава «*Хасириамэ*».

Кроме того, наряду с примерами, взятыми из художественной литературы, в работе рассматриваются примеры из составленного автором «Словаря эквивалентов оноματοпоэтической лексики японского языка» (далее «Словарь») для сравнения употребления одних и тех же единиц в разных контекстах и определения влияния этих контекстов на приёмы и способы перевода.

В теории перевода выделяются такие способы как заимствование, различные трансформации (замена, описание, добавление и т.п.), компенсация, опущение. В работе рассматриваются все возможные приёмы с выделением случаев, типичных для перевода ОЕ, и особенностей, характерных для перевода именно этих единиц.

Заимствование, то есть передача иностранного слова путем транскрибирования или транслитерации, встречается, например, при переводе японских сказок: «А той порой с южной стороны донёлся шум: доэн-досун-дзудон. Ещё тэнгу идут» (сборник «Японские народные сказки», пер. В. Марковой). «“*Кya, kya, kya*”, - *saru-no fu:fu wa... himei-o agenagara, okuyama-ni nigete ittakiri...*» – «Закричали обезьяны: кя, кя, кя!» - и в горы убежали» (сборник «Поле заколдованных хризантем, пер. А. Садовой).

Возможно, к заимствованию прибегают в тех случаях, когда необходимо не только описать звуки, но и передать их национальный, отличный от языка перевода, колорит (что характерно, например, для фольклора), а также создаваемый при помощи оноματοпозетических единиц ритмический рисунок оригинала. Вероятно также, что заимствования могут использоваться при отсутствии в языке перевода устоявшихся способов передачи описываемых звуков.

В переводах фольклорных произведений встречаются и другие примеры передачи звукоподражаний: «Глядь-поглядь, заяц рубит дерево: тук-тук» (сборник «Японские народные сказки», пер. В. Марковой). «...*Sono toki, “Atsui!” to iu, himei-to tomo ni, totsuzen chagama-kara... “Uhyaa!”*» – «Уф! Уф! Как жарко! – кричал котелок человеческим голосом» (сборник «Поле заколдованных хризантем, пер. А. Садовой).

Здесь использованы звукоподражания, существующие в русском языке для обозначения, в частности, стука топора, пыхтения и т.п., которые переводчики сочли нужным использовать для изображения привычных звуков. Перевод осуществлён на уровне слов. Подобные эквиваленты в работе названы «формальными», так как их использование позволяет передать не только значение единиц, но и по возможности, их структурные особенности

В переводах на русский язык хайку Кобаяси Исса также встречаются заимствования и формальные эквиваленты:

«*Uzutebi ya sayu to chinchin yoru-no ame*». - «Тлеют угли. Вода - тин-тин - в котелке. Ночной дождь» (пер. Т. Соколовой-Делюсиной).

В этом примере звукоподражание *chinchin* (бульканье кипящей воды) передано с помощью заимствования. Возможно, использование соответствующего

звукоподражания «буль-буль», могло бы нарушить общий стиль, так как в русском языке оно встречается преимущественно в детской речи или выражает иронию. Существует вероятность того, что использование глагола «булькать» или существительного «бульканье» нарушило бы общий ритм. Кроме того, употребление незнакомого звукоподражания может создавать «национальный колорит», что усиливает впечатление от прочтения.

«*Asabare-ni pachipachi sumi-no kigen kana*». - «Ясное утро – уголь радуется в очаге, крак-крак-крак - мурлычет» (пер. А. Долина).

ОС *pachipachi* должно передавать потрескивание ломающихся тонких предметов, горящего угля, а также вызывать в воображении образ разлетающихся искр. В качестве эквивалента японской оноματοпоэтической единицы выбрано звукоподражание, передающее потрескивание (формальный эквивалент), и добавлен звукоподражательный русский глагол «мурлыкать».

Представляется, что употребление этого глагола добавляет «мягкости» к изображению треска («крак-крак-крак»), так как ассоциируется с состоянием довольства и спокойствия животного. Это, в свою очередь, даёт ощущение умиротворённости, выраженное в оригинале употреблением наречия *pachipachi* (в отличие, например, от *bachibachi*, передающего более сильный и громкий треск) и словом «*кигэн*», обозначающим хорошее настроение (что, впрочем, в переводе также выражено при помощи глагола «радоваться»).

Вероятно, можно было точнее передать лексическое значение единицы *pachipachi* («звук, издаваемый при горении угля»), употребив звукоподражательный глагол «трещать» или «потрескивать», однако это лишило бы читателя тех нюансов значения, которые возникают имплицитно, благодаря оппозиции вариантов *pachipachi* – *bachibachi*, и эксплицитно благодаря употреблению слова «*кигэн*».

Формальные эквиваленты (звукоподражания) встречаются и в прозаических текстах, хотя и в небольшом количестве: «*Hyo:gen shi, dentatsu subeki koto-ga naku natta toki, bunmei wa owaru. Pachin.... OFF*».- «Когда станет нечего выражать и передавать, цивилизация закончится. Щёлк! - и выключилась» (Х. Мураками, «Слушай песню ветра», пер. В. Смоленского).

В проанализированных примерах единицы, изображающие конкретные звуки, свойственные природе или голосам живых существ, передаются на русский язык при помощи прямого заимствования или замены соответствующими русскими звукоподражаниями, то есть способами, которые позволяют сохранить эту конкретность, донести описываемые звуки до читателя.

В этом случае звукоподражания русского языка, очевидно, можно рассматривать как приблизительные (ситуационные) эквиваленты: они не передают звуки в точности так, как те воспринимаются носителями японского языка, но воспроизводят эти звуки в привычной для носителя русского языка фонетической системе.

Одним из характерных способов передачи на русский язык японских звукоподражаний - *гионго* и *гисэйго* – является использование звукоподражательных (ономатопэтических) глаголов и существительных, то есть такой приём перевода, как замена части речи. Среди проанализированных переводных эквивалентов к этой категории относятся звукоподражательные глаголы, звукоподражательные существительные, а также глаголы движения с такими существительными (т.н. способ «авес» по терминологии, предложенной К. Такэути).

В переводах могут употребляться просторечия и авторские окказионализмы, в частности, для передачи дополнительных (стилистических, оценочных) компонентов значения там, где это связано со стилем (например, «бубнить», «бубнёж», «чпоканье»). Для передачи дополнительных оттенков значения и более точного описания звуков иногда употребляются уточняющие определения (примеры из повести Х. Мураками «Пинбол-1973», пер. В. Смоленского):

«*Shiromi-o obita shiba-ga bokutachi-no ashimoto-de **kasakasa-to** oto-o tatetsuzuketa*». – «А пока одетый в белое газон хрустит под нашими ногами».

«*Hotondo kikitorenai hodo **bosoboso-to** shita koe data*». – «До меня доносился лишь невнятный бубнёж».

«*Soshite nawa-o hiite mado-no buraindo-o **patan-to** shimeru*». – «...дергая за шнурок и со стуком опуская штору».

Дополнительные семантические компоненты, выраженные структурой ОС, в переводе могут передаваться не лексически, а грамматически. Например, противопоставление значения продолжительности/множественности и значения однократности/единичности действия может выражаться в ПЯ видом глагола:

«*Soshite tsugi-ni, nanman to iu tori-no mure-ga ha-o hirogeru yo:-na **patapatapata** to iu oto-ga tsuzuita*». – «И тут словно тысячи птичьих стай захлопали крыльями».

«*Basu-no doa-ga **patan-to** shimari, so:shi-ga mado-kara te-o futta*». – «Двери автобуса захлопнулись, близняшки помахали из окна» (примеры из повести Х. Мураками «Пинбол-1973», пер. В. Смоленского).

В следующем примере то же самое ядро *pata* («звук удара плоских предметов, частей тела друг о друга») передано в переводе другим корнем (-*стук*-). Это пример

использования контекстного (вариантного) эквивалента, он связан с сочетаемостью лексем в русском языке. Отсутствие у субъекта, производящего звук (пальцев), широкой площади поверхности для его воспроизведения не позволяет выбрать лексему «хлопать». Сема продолжительности действия также передана в переводе видом глагола:

«*Boku wa muishiki-ni yubisaki-de hiza-o patapata-to tatakitsuzuketa*». – «Я бессознательно постукивал пальцами по колену» (Х. Мураками, «Пинбол-1973», пер. В. Смоленского).

Тот же корень (-*стук/стуч-*) употреблён и для передачи на русский язык единицы *tonton* («звук продолжительного лёгкого касания предметов друг о друга»): «*Uwagi-no poketto-kara tabako-o toridashi, te:buru-no ue-de saki-o tonton-to tataite kara raita:-de hi-o tsuketa*». – «Достал из кармана пиджака сигарету, постучал кончиком по столу, щёлкнул зажигалкой» (Х. Мураками, «Пинбол-1973», пер. В. Смоленского).

Подобные случаи отнесены в работе к генерализации. Проведённый анализ позволяет сделать предварительный вывод о том, что в русском языке часто не передаются те оттенки звуков, каждый из которых в японском языке выражен отдельной лексемой, например, постукивание при касании деревянных или металлических предметов, постукивание с резонансом и т.п. Так, при переводе примеров из "Словаря эквивалентов ономапоэтической лексики японского языка" были использованы эквиваленты с корнем «-*стук-/стуч-*» для передачи доминирующего компонента значения ядер *gata, kan, kasha, kata, kotsu, kon, kochi* (в форме редупликатов), *kachi* (в форме редупликата и в форме *kachin*), *kat* (также в форме *kakkat*), сочетанием ядер *kara* и *koro* (также ядра *kara* в форме *karari*) («звук, издаваемый предметами при кратком взаимном соприкосновении»).

Отдельные компоненты значения, например, интенсивность признака (громкий-тихий), его длительность, наличие резонанса и т.п. выражаются в переводе дополнительно. Для этого в некоторых случаях слово «стук» уточняется определением («лёгкий», «громкий», «краткий», «гулкий»), либо употребляются лексемы, в которых на степень интенсивности признака указывают аффиксы с соответствующим значением (например, «постукивание»).

Напротив, одна и та же ономапоэтическая единица в русском переводе может передаваться разными эквивалентами (контекстуальными или вариантными, по классификации Я. Рецкера), в зависимости от контекста. В этих случаях переводные эквиваленты подбираются в зависимости от сочетаемости лексем в ПЯ.

Иногда эквивалент для оноματοпоэтической единицы в переводе отсутствует. ОС может быть опущено, так как его значение дублирует все или некоторые компоненты лексического значения других единиц в сочетании, и переводчик считает это слово избыточным с точки зрения семантики (опущение как приём перевода). Но при этом, по крайней мере, теоретически, существует возможность воспроизвести другие, релевантные для коммуникации семантические и прагматические компоненты ОС. Кроме того, ОС может опускаться, потому что содержащиеся в нём семантические компоненты не могут быть полностью воспроизведены в переводе, а попытка передать все оттенки значения ОС привела бы к описательному переводу и неоправданному удлинению фразы.

В отдельных случаях можно предположить, что варианты перевода оноματοпоэтических единиц существуют, и их употребление не нарушило бы общий стиль произведения, однако по каким-либо причинам переводчики отказались от передачи ОС в тексте на ПЯ. Тем не менее, любая оценка адекватности перевода оказывается субъективной, поэтому каждый случай опущения оноματοпоэтической единицы нужно рассматривать отдельно.

Иногда имплицитно содержащуюся в оноματοпоэтической единице информацию приходится выражать эксплицитными способами. Для этого используются добавления или описательный перевод.

«*Boku to kanojo-no aida-ni wa, kono mae-ni atta toki to wa chigatta nani-kashira chiguhagu-na ku:ki-ga atta*». – «Между нами что-то было не так. Что-то разладилось с последней встречи» (Х. Мураками, «Слушайте песню ветра», пер. В. Смоленского).

ОС *chiguhagu* имеет значение «отсутствие порядка, согласия, гармонии», что можно выразить лексемой «беспорядок», однако отношения между людьми в русском языке не описываются этой единицей (можно сказать «чувства в беспорядке», но нельзя сказать «отношения в беспорядке»). Переводчик прибегает к описанию: «что-то не так, что-то разладилось», усиливая эмоции повторением и уточнением признака.

В следующем примере из того же произведения та же единица *chiguhagu* передана лексемами «дробный» и «искажённый». Вероятно, этот случай можно было бы также отнести к смысловому развитию понятия (впечатление от произведения «беспорядочное», то есть, не цельное, неправильное): «...*sono tame-ni sakuhin wa jitsu-ni chiguhagu-na insho:-o watashi-ni ataeru, to*». – «Из-за этого изъяна впечатление от романа оставалось у Хартфильда дробным и искажённым».

Очевидно, что описательным переводом ОС или добавлениями, в основном, пользуются в тех случаях, когда невозможно выразить значение оноματοпоэтической единицы одной лексемой из-за отсутствия эквивалентных единиц в русском языке или из-за отличий в сочетаемости существующих лексем. Эти примеры, в целом, вписываются в общую концепцию теории перевода.

Добавление лексических единиц или употребление описательного перевода может быть вызвано наличием в значении ОС множества элементов (оттенков значения), которые должны быть выражены в тексте на ПЯ, что тоже представляет особенности перевода этого класса лексики.

К компенсации в качестве одной из переводческих универсалий, как указывает, в частности, В. Гривнин, прибегают в тех случаях, «когда лексическая единица в ИЯ не имеет эквивалента в ПЯ, что необходимо компенсировать, поскольку этого требует эмоциональность высказывания». То есть, о компенсации речь идет, в основном, при попытках воспроизвести эмоциональный компонент значения единиц исходного текста.

Предполагается, что к компенсации могут быть отнесены некоторые случаи перевода путём замены части речи. Речь идёт об употреблении просторечных или разговорных лексем (примеры из произведений Х. Мураками в переводе В. Смоленского и А. Замилова):

«*Sonna tokoro-de **urouro** shiteru to pakurareru ze*». – «Будешь тут торчать, полиция заберёт».

«*Kanojo wa sono danbo:rubako-o beddo-no ue-ni **dosari-to** oki, potto-ni yu-o wakashita*». – «Взгромоздив коробку на кровать, она вскипятила чайник».

К компенсациям в работе отнесены случаи употребления фразеологизмов и других устойчивых выражений для передачи образного компонента значения оноματοпоэтических единиц: «...*boku wa mo: **guttari-to** tsukarehatete ita*». – «Я... уже походил на выжатый лимон».

Необходимо заметить, что при передаче образного компонента значения перевод часто осуществляется на уровне сочетания: основное лексическое значение содержится в глаголе, а ОС обычно добавляет семы интенсивности и образности.

Существуют и другие способы компенсировать образный элемент значения ОС, например, использовать грамматические средства, грамматические трансформации и т.п.

Кроме замен на уровне части речи, опущений, компенсаций, добавлений и описаний при анализе в незначительном количестве встречаются такие приёмы

перевода, как антонимический перевод, смысловое развитие понятий, генерализация понятий.

Компонентный анализ, использованный в работе для определения выраженных в переводе или опущенных сем ОЕ, необходим для описания значения оноματοпоэтических единиц в словаре. Словарные статьи в составленном автором «Словаре эквивалентов оноματοпоэтической лексики японского языка» имеют следующую структуру: заглавное слово, его транскрипция с указанием интонационного рисунка; значение слова, его тип (звукоподражание, наречие состояния или степени), сочетаемость. Рассматриваются конкретные примеры словоупотребления, в конце статьи приводятся структурные варианты лексемы (с геминацией, с удлинением гласного звука, с морфемой *-ri* и т.п.), а также синонимы. В некоторых случаях оттенки значений структурных вариантов и синонимов объясняются дополнительно (описательно и с помощью примеров).

При составлении «Словаря эквивалентов оноματοпоэтической лексики японского языка» автор имел возможность проанализировать употребление одних и тех же единиц в разных контекстах. Даже в узком контексте, ограниченном уровнем предложения, наблюдаются случаи актуализации разных компонентов значения одной и той же единицы.

Выбор эквивалента может определяться, например, регистром: фамильярная речь в одном случае и нейтрально-вежливая в другом позволяют переводчику употребить просторечную и нейтральную единицу соответственно. В то же время, на уровне описываемых ситуаций можно предположить разницу в коннотациях.

В работе отмечены случаи генерализации при переводе ОС: иногда описываемые звуки или ощущения не дифференцируются в русском языке и требуют общего наименования, либо описательного перевода.

С другой стороны, японская оноματοпоэтическая единица может иметь сему с широким значением, которое требует конкретизации, например, *sappari* – «ощущение свежести от исчезновения лишнего, неприятного» (примеры из «Словаря»):

«*Shawa:-o abite sappari shite kara bi:ru-o nomo:*». – «Приму душ, освежусь, а потом пива выпью».

«*Zeitaku-na mono wa tsukete inai ga, sappari shita fukuso:-de seiketsu-na kanji-no musume-san da*». – «Она не носит роскошных вещей, но в своей простой одежде всегда выглядит чистенько».

«*Nagakatta kami-o sappari to kitte, kibun mo isshin*». – «Обрезал длинные волосы, стало так легко и хорошо, будто заново родился!»

Таким образом, выбор эквивалента в каждом конкретном случае определяется контекстом и сочетаемостью единиц языка перевода.

При определении единицы перевода удалось выделить следующие возможные случаи:

1) Лексическое значение ОС добавляет основной компонент значения к значению главного слова сочетания, конкретизируя его. Это совпадает с определением «детерминированных сочетаний», предлагаемым Х. Какэхи.

Как показывает проведённый анализ, такие единицы часто переводятся на уровне сочетания путём замены части речи (например, глагольными лексемами с конкретным значением) по формуле $A+a=B(+a)$, где A – значение главного слова в сочетании, a – значение онома topoэтической единицы, B – новое значение, полученное в результате сложения элементов, a – дополнительные значения ОС, которые могут передаваться или не передаваться при переводе.

Внутрилингвистические значения продолжительности/краткости, однократности/многократности действия и т.п., присущие онома topoэтической единице, в таких случаях несут дополнительную информацию и могут выражаться в переводе, например, видом глагола, употреблением аффиксов и т.п.

Однако существуют и другие формулы, выражающие соотношения значений в подобных сочетаниях. Например, может происходить перераспределение значений, когда какой-то компонент значения оказывается выраженным в переводе отдельной лексемой.

2) Лексическое значение ОС полностью или частично дублирует значение главного слова (совпадает с ним), придавая высказыванию образность и добавляя ему интенсивности и/или семы продолжительности/краткости, однократности/многократности действия-состояния и т.п. (совпадает с определением «комплементарных сочетаний» по Х. Какэхи).

В этих случаях перевод может осуществляться на уровне сочетания, однако, в отличие от детерминированных сочетаний, эквивалент подбирается, в первую очередь, для главного слова, а дополнительные оттенки значения могут воспроизводиться отдельными лексемами и/или нелексическими способами, либо опускаться. Эту схему можно выразить формулой $A+a=A(+a)$, где A – значение главного слова, a – значение ОС, а a – дополнительные значения ОС.

Представляется, что для единиц этого типа в некотором роде доминантным может стать образный компонент значения. Тогда он должен быть по возможности передан в переводе наряду с дополнительными значениями интенсивности, скорости, однократности и т.п.

3) Лексическое значение ОС практически не зависит от значения главного слова, сочетаемость определяется самыми общими параметрами («автономные сочетания» по Х. Какэхи). В этом случае ономастопозэтические единицы обычно переводятся на уровне слова отдельными лексемами с соответствующим значением по формуле $A+a=A+a$. Однако возможен перевод и на уровне сочетания, когда значение ОС (чаще всего сема интенсивности или «полноты») входит в качестве компонента значения в переводной эквивалент для основной единицы сочетания.

Таким образом, можно сказать, что несмотря на существование определённых тенденций, однозначной зависимости между типом связи в сочетании с ономастопозэтической единицей и способом перевода не обнаруживается. Можно говорить лишь о способах, характерных для разных типов сочетаний. Возможно, анализ большего количества материала позволит получить более точные данные.

Для оценки адекватности необходимо, очевидно, задать иерархию воспроизводимых при переводе элементов, как это предлагает, например, Л. Латышев. Представляется, что для разных типов ОЕ эта иерархия будет различной. Для ОС детерминирующего и автономного типа доминантным может быть, в первую очередь, собственно лексическое значение, выраженное ономастопозэтической единицей. Для единиц комплементарных сочетаний доминантными могут стать дополнительные элементы значения, такие как «интенсивность признака», «скорость совершения действия», «количественное выражение действия или состояния» и т.п., а также образность, являющаяся одним из элементов значения этих единиц.

Передаваться в переводе могут в разных сочетаниях один или несколько компонентов. Однако доминантные и дополнительные компоненты значения приходится определять в каждом конкретном случае, отказываясь от передачи некоторых (или всех) из них по соображениям стилистики, лексической сочетаемости, объёма текста и т.п.

В заключении подводятся итоги проведённого исследования, делаются теоретические **выводы**.

1. Японские ономастопозэтические единицы, как правило, могут быть переданы в переводе различными способами. Приёмы и способы перевода, используемые при

этом, в целом, совпадают с описанными в теории перевода: встречаются заимствования, различного рода замены, добавления, компенсации, опущения.

Заимствования могут воспроизводить в переводе национальный колорит текста на ИЯ, а также помогают сохранить ритмическую структуру текста.

Добавления (и описания) необходимы в том случае, когда все оттенки значения ОС не могут быть выражены в переводе одной лексемой.

Компенсации призваны сохранить образные и другие компоненты значения, релевантные при воспроизведении функций оноματοпоэтических единиц, в том случае, когда эти компоненты не могут быть выражены другими способами.

Ономаптоэтические единицы могут при переводе опускаться. Это происходит в следующих случаях: когда все основные компоненты значения выражены в других единицах текста на ПЯ; когда передача всех компонентов значения ОС приводит к неоправданному удлинению перевода и/или когда употребление соответствующего эквивалента может привести к нарушению стилистической целостности текста.

2. При наличии универсальных способов существуют и некоторые особенности перевода именно оноματοпоэтических единиц.

Так, в соответствии с идеями, высказанными К. Такэути и Ё. Утида, и в результате анализа конкретных примеров перевода представляется целесообразным выделить такие способы передачи на русский язык японских звукоподражаний, как употребление так называемых звукоподражательных глаголов, а также сочетаний, представленных глаголами движения с существительными, обозначающими звук (способ «avec»).

В качестве одного из приёмов перевода предлагается также использовать эквиваленты (обычно звукоподражания), имеющие то же морфологическое строение, что и японские ОС. В исследовании такие эквиваленты называются формальными, так как они максимально передают не только содержание, но и особенности структуры японских оноματοпоэтических единиц.

В-третьих, представляется важным отметить случаи генерализации, когда разным оноματοпоэтическим единицам в переводе соответствуют одинаковые русские лексемы. Это происходит из-за того, что в переводе часто невозможно отразить все оттенки значения, выражаемые японскими ОС.

3. Однозначной зависимости между типами оноματοпоэтических единиц и приёмами перевода обнаружить не удалось. Однако можно говорить о наличии определенных тенденций. Единицы, участвующие в образовании детерминированных сочетаний, часто переводятся на русский язык отдельными

лексемами с конкретным значением; оттенки значений могут также воспроизводиться при переводе как отдельные, уточняющие лексемы.

Ономатопоэтические единицы комплементарных сочетаний чаще опускаются при переводе, так как основное значение данных единиц оказывается выражено другими лексемами. Однако в таких случаях в переводе можно передать образный компонент значения, или дополнительные компоненты, выражаемые собственно структурой ОС. Образность в переводе передаётся при помощи фразеологических или устойчивых сочетаний, просторечных лексем и т.п. Дополнительные компоненты чаще выражаются не лексическими, а грамматическими способами.

Автономные ОС обычно имеют более или менее устоявшиеся соответствия, передающие их собственное лексическое значение.

4. Единицей перевода для ономатопоэтических слов чаще всего служит сочетание. Однако в случае заимствования единицей перевода становится фонема, а при компенсации такой единицей может стать и предложение. В некоторых случаях ОС переводятся на уровне отдельных лексем (единица перевода – слово), однако чаще встречается такое явление, как перераспределение значений, когда отдельные элементы значения ономатопоэтических единиц воспроизводятся в разных лексемах ПЯ.

5. Для оценки адекватности перевода необходимо задать иерархию функций, которыми обладают в тексте на ИЯ ономатопоэтические единицы, и иерархию значений этих единиц. Для одних единиц доминантным может быть лексическое значение (собственное или в сочетании с лексическим значением главного слова), для других – образный компонент или дополнительные значения однократности или многократности, скорости совершения действия.

В работе показано, что ономатопоэтические единицы в большинстве случаев при переводе нельзя просто отбросить, так как это может привести к искажению смысла или обеднению стиля исходного текста.

Предполагается, что стремясь к равновеликости текстов на ИЯ и на ПЯ и максимальному сходству их формы, необходимо стараться воспроизвести в переводе функции любой единицы текста и элементы значения этих единиц в соответствии с их иерархией. Таким образом, можно уточнить критерии оценки адекватности перевода.

6. Данное исследование позволяет сделать первые шаги в определении универсальных способов перевода ОС. Даже на ограниченном по объёму материале можно отметить наличие сходных приёмов перевода ОС, которые исследователи

обнаруживают в разных языках (русском, шведском, английском, французском, тайском, индонезийском).

Например, наличие в языке ПЯ сходных по структуре звукоподражательных (или звукоизобразительных) единиц предполагает перевод при помощи формальных эквивалентов. Напротив, отсутствие в ПЯ достаточного количества сходных по структуре ОЕ, очевидно, приведёт к увеличению числа заимствований (для передачи национального колорита или ритмической структуры произведения) или к замене части речи.

При невозможности выразить все оттенки значения, содержащиеся в ОС, одной лексемой, в ПЯ, вероятно, необходимо будет прибегнуть к добавлениям или описательному переводу. Если это приведёт к неоправданному удлинению фразы на ПЯ и/или нарушению стиля текста, эквивалент для японского ОС, возможно, будет опущен.

Создание типологии переводов японских ОС позволит переводчикам пользоваться уже описанными методами, что должно в некоторой степени облегчить задачу выполнения адекватного перевода.

В приложении даны примеры из «Словаря эквивалентов оноματοпоэтической лексики японского языка», составленного автором на основе материала японских и японско-английских словарей оноματοпоэтических слов.

Основные положения диссертации изложены в следующих публикациях:

1. "Японская оноματοпея с точки зрения проблемы звуко-символизма" // Тезисы к докладу на Научной Конференции МГУ ("Ломоносовские чтения") – М., 2002. - с. 177-178.
2. "К вопросу об изучении оноματοпоэтической лексики японского языка" // Вестник МГУ. Серия 13. Востоковедение. – М., 2003, № 1. - с. 43-48.
3. "Японская оноματοпея с точки зрения проблемы звуко-символизма" // Вестник МГУ. Серия 13. Востоковедение. – М., 2003, № 2. - с. 69-73.
4. "Проблема поиска межъязыковых соответствий (оноματοпоэтическая лексика японского языка)" // Тезисы к докладу на Научной Конференции МГУ ("Ломоносовские чтения") – М., 2003. - с. 240-241.
5. "Проблема адекватности при переводе японской оноματοпеи" // Тезисы к докладу на Научной Конференции МГУ ("Ломоносовские чтения") – М., 2004. - с. 86-90.
6. "Японская оноματοпея и перевод поэзии хайку (на примере хайку Кобаяси Исса)" // Тезисы к докладу на Научной Конференции МГУ ("Ломоносовские чтения") – М., 2005. - с. 132-135.
7. "Проблемы переводимости и адекватности при переводе японской оноματοпеи" // Сборник материалов межвузовской научной конференции студентов «Языки мира. Мир языка» - М., 2005. - с. 47-51.
8. "Лексические проблемы перевода на примере перевода японской оноματοпеи" // Материалы межвузовской научно-практической конференции «Актуальные проблемы преподавания практического курса перевода в вузе» - М., 2005. - с. 328-340.
9. «Адекватность перевода японских оноματοпоэтических единиц на русский язык и анализ текста» // Материалы научной конференции 16-17 июня 2006 года «Проблема текста в гуманитарных исследованиях» - М., 2006. - с. 88-89.